

Глава 13. Он не верил в неудачу

С этим волчонком в последние дни явно творилось неладное. Если быть точным, Ци Цзю осознал это сразу по возвращении из больницы: поведение Е Байлана изменилось самым причудливым образом.

«В чем именно? — занервничала Система, спешно вытаскивая детектор уровня почернения протагониста. — В каких именно аспектах?»

«Слишком уж он послушный», — отозвался Ци Цзю.

Система: «...»

Ци Цзю тем временем завозился в инвалидном кресле, подставляя под лучи солнца то одну щеку, то другую, чтобы загар ложился ровно.

«Я не шучу, я серьезно. Байлан не должен быть таким пайнкой».

Сейчас их отношения больше всего напоминали связь между тяжелым пациентом и невероятно исполнительным санитаром. Причем санитаром из тех, чья чрезмерная сноровка и граничащая с грубостью решительность заставляют заподозрить в них профессиональных наемников.

Байлан освоил науку ухода с пугающей быстротой. Он в мгновение ока научился следить за жизненными показателями, ставить капельницы и делать инъекции. Каждое утро он выносил Ци Цзю на солнце, строго отмеряя сорок пять минут процедур, после чего принимался разминать ему мышцы и суставы. Байлан запомнил все приемы массажа, которые помогали унять головную боль, научился управляться с плитой и собственноручно варил горькие отвары, польза которых была весьма сомнительна.

...Если бы Ци Цзю в ужасе не воспротивился, Байлан, кажется, готов был даже сопровождать его в туалет.

«Возможно, он просто заботится о тебе, — попыталась заступиться за подопечного Система. — Это снижает твои энергозатраты. Время бодрствования увеличивается на целых одну и три десятых процента».

«...Обойдусь, спасибо», — отрезал Ци Цзю.

Учитывая цену вопроса, эти крохи дополнительного времени не казались ему такой уж необходимой жертвой.

Система, которая последние дни только и делала, что корпела над оптимизацией

энергосберегающего режима, явно расстроилась. Ее предложение было отвергнуто, и она, превратившись в бумажный комок, укатилась в угол предаваться унынию.

Ци Цзю продолжил нежиться на солнце. Почувствовав, как на колени легло что-то легкое, он приоткрыл глаза. Силуэт рядом, собиравшийся тайком укрыть его пледом, замер.

— Всё в порядке, мне не холодно.

Ци Цзю коснулся руки Байлана и обнаружил, что та холоднее льда. Недолго думая, он поймал ее и засунул под плед вместе со своей.

— Снег пошел?

В комнате работала система климат-контроля, и в лучах яркого солнца Ци Цзю было даже жарковато. Но Байлан был другим. Волчонок явно только что вернулся с улицы: его лапы застыли, превратившись в настоящие ледышки, кончики коротких волос намокли, а от самой одежды веяло колючим холодом.

— ...Да, — Байлан кивнул, но, вспомнив, что Ци Цзю не видит, глухо подтвердил вслух. Он попытался высвободить руку: — Я холодный.

Ци Цзю шутливо цокнул языком, и волчонок мгновенно присмирел. Он перестал вырываться и послушно замер, позволяя согреть свою ладонь. Боясь заморозить Ци Цзю, Байлан неуклюже прижался лицом к его пальцам — единственному, что еще хранило тепло.

Рука Ци Цзю, лежавшая поверх ладони Байлана, неизбежно касалась его волос. Поводя пальцами, он ощущал переносицу и опущенные ресницы. Байлан примостился у его колен; его дыхание, теплое и неровное из-за бесцеремонных ласк Ци Цзю, то и дело прерывисто щекотало пальцы мужчины.

— Не нужно было так спешить, — Ци Цзю согнул палец, стирая капельки пота со лба Байлана.
— Много дел в городе?

Байлан качнул головой.

Дел не было. Все вопросы с семьей Е, внешние неурядицы и месть виновным он держал под дистанционным контролем. Всё шло своим чередом. Ци Цзю каждый день давал ему уроки: объяснял правила человеческого мира, учил распознавать коварство деловых кругов и распутывать нити скрытых интересов. Байлан схватывал всё на лету. Ему не нужно было зазубривать — он обладал врожденным талантом понимать суть вещей, стоило Ци Цзю лишь указать направление.

Последние вылазки Байлана из дома не имели никакого отношения к этим скучным дразгам.

Сегодня он уезжал, потому что услышал о каком-то невероятно знаменитом «мастере цигун», который якобы исцелял любые опухоли одним прикосновением. Продолав путь в несколько сотен километров, Байлан обнаружил обыкновенного шарлатана. Тогда он сорвал с мошенника его расшитые одежды, связал в тугой узел и, запихнув в багажник, отвез к дверям полицейского участка.

Он помнил наказ Ци Цзю: пока хватает терпения — не отправлять людей на кладбище, ограничиться полицией.

...На сегодняшний день не осталось ничего, что Байлан не смог бы вытерпеть. Если бы он мог поглотить всю ненависть мира, сжечь ее или похоронить, лишь бы Ци Цзю стало хоть на каплю легче, лишь бы к нему вернулся аппетит или прибавился час бодрствования, Байлан бы не раздумывая пожертвовал всем. Он даже всерьез подумывал пожертвовать на храм. Если бы для спасения Ци Цзю потребовалось принять постриг, отречься от мира и проводить дни в молитвах и трудах — он бы сделал это, не задумываясь о цене собственной жизни. Он мог бы построить храм, где был бы лишь один колокол и один деревянный рыбий молот (муюй), чтобы стать монахом для одного-единственного человека.

— Когда ты проснулся? Я не получал уведомления.

Байлан одной рукой поправил плед. Он не рассказывал Ци Цзю о своих поездках, зная, что тот не позволит ему в одиночку гонять машину на такие расстояния по ночам.

— Я думал... ты не проснешься так рано.

На руке Ци Цзю были часы, отслеживающие состояние организма, а на груди — портативный регистратор ЭКГ. По идее, стоило Ци Цзю прийти в себя, как на телефон Байлана должен был прийти сигнал. Байлан настроил уведомление в виде слабого разряда тока — безвредного, но ощутимого, способного разбудить его в любой момент.

— Снял их, решил проверить свои силы, — Ци Цзю сегодня чувствовал себя бодрее. — Выспался, солнце припекло лицо, вот и проснулся.

Он продемонстрировал Байлану пустые запястья:

— Видишь? Совершенно не нужно за меня переживать.

Он и сам мог перебраться из постели в кресло, одеться и умыться — пусть это и занимало уйму времени и требовало нескольких глубоких вдохов из кислородной маски. А значит, помощь в туалете была не только излишней, но и аморальной. Недопустимой. Байлану следовало выкинуть эти пугающие мысли из головы.

Услышав это, Байлан на мгновение задержал дыхание и медленно кивнул:

— Хорошо.

Его руки уже достаточно согрелись, и он попытался осторожно их отстранить. На этот раз Ци Цзю не стал его удерживать, лишь пошевелил пальцами. Байлан, припав к инвалидному креслу, смотрел на руку Ци Цзю, которая из-за нечеткого зрения едва не задела его подбородок.

— Вторую тоже давай, — скомандовал Ци Цзю. — Посмотрим, что там.

Байлан послушно отдал вторую руку и снова придвинулся ближе, прижимаясь лбом к тыльной стороне ладони мужчины. Ци Цзю ощупал пластырь, одновременно наблюдая за Байланом через внутренний мониторинг Системы.

Под его присмотром рана на ладони заживала, но общее состояние Байлана не улучшалось. Напротив, показатели последних двух дней внушали опасения. В то время как другие типы «золотых пальцев» приживались с невероятной скоростью, тот самый первый бафф на здоровье постоянно колебался, упав до критической отметки. Даже без предупреждений Системы о риске отторжения было ясно: с Байланом творится что-то неладное.

***

Ци Цзю перевернул ладонь, поддерживая голову Байлана. Другой рукой он подхватил волчонка, который, задремав на его коленях, начал медленно сползать на пол.

Байлан резко вздрогнул и, очнувшись от мимолетного забытья, вскинул голову; его грудь тяжело вздымалась. Ци Цзю принялся успокаивающе поглаживать его по голове, как напуганного зверя.

— Может, всё-таки перележешь на диван?

Байлан, еще не оправившись от короткого кошмара, жадно хватал ртом воздух, словно утопающий, и мелко кашлял. Он не отвечал, лишь продолжал упрямо качать головой под рукой Ци Цзю. Когда тот, решив, что на сегодня солнца достаточно, направил кресло в спальню, Байлан покорно поднялся и взялся за поручни.

Это было дорогое инвалидное кресло с электроприводом и множеством функций — Ци Цзю мог на нем разъезжать по дому, ускоряться и даже входить в заносы. Но стоило Байлану оказаться рядом, как кресло превращалось в обычное, ручное. Волчонок с каким-то фанатичным упорством настаивал на том, чтобы толкать его самостоятельно. Ци Цзю не решался отказать, позволяя ему тешиться этой заботой, и убрал палец с кнопки управления.

— На раскладушке неудобно спать.

— Удобно, — тихо возразил Байлан. — Не беспокойся об этом.

Он привычно огрызнулся, но тут же пожалел о своих словах, готовый буквально откусить себе язык. Казалось, он никогда не научится разговаривать нормально. Знакомый приступ самобичевания, похожий на тупую боль от ржавого ножа, снова накрыл его. Байлан машинально хотел ковырнуть старую рану, но, вспомнив о проверке Ци Цзю, сдержался.

К счастью, Ци Цзю не принял это близко к сердцу. Его нервы были крепче стальных канатов, он редко замечал колючесть в словах Байлана, оставаясь невозмутимым и прямолинейным, как каленый клинок.

— Если не я, то кто будет беспокоиться? — Ци Цзю почувствовал, что Байлан собирается поднять его, и ухватился за подлокотники. — Я с тобой о деле говорю, чего ты ерепенишься?

Последнее время он вел почти неподвижный образ жизни и литрами пил горькие отвары, так что от него пахло дезинфекцией и лекарствами. Нужно было прижаться совсем близко, чтобы уловить тот тонкий аромат заснеженной тайги и ледяного ветра, который всегда исходил от его истинной сути.

В этом запахе Байлан прикрыл глаза.

— Послушай, — стоило Ци Цзю хоть немного набраться сил, как его красноречие расцветало пышным цветом. Он прижался к плечу Байлана и затараторил: — Раз уж я на твоём попечении, твоё здоровье становится делом первостепенной важности. Не бывает так, чтобы сиделка загнула раньше пациента. Ты прошёл обследование? Жду отчёт. И лекарства свои предъяви к досмотру. Я их все на ощупь помню, так что не пытайся подсунуть мне витамины. Если ты свалишься, я и пальцем шевельнуть не смогу. Будем тут лежать и смотреть друг на друга, неужели ты не боишься...

— ...Не боюсь, — наконец вставил Байлан. — Ты сам только что сказал: совершенно не нужно за тебя переживать.

Ци Цзю, который в пылу монолога наступил на собственные грабли: «...»

Байлан опустил голову, и из его груди вырвался короткий смешок. Он так давно не улыбался, что сам на мгновение опешил, но веселость тут же улетучилась. Что тут смешного, когда Ци Цзю из-за него оказался в таком положении?

Байлан снова стал серьёзным. Дождавшись, пока Ци Цзю привыкнет к смене позы, он осторожно, но уверенно поднял его из кресла. Он был заметно ниже и намного худее, так что Ци Цзю почти всем весом навалился на него. Боясь, что хватка окажется недостаточно крепкой и Ци Цзю упадет, Байлан перекинул его руку через свое плечо.

Придя в себя после короткого головокружения, Ци Цзю беззлобно потянул волчонка за вихры:

— Научился огрызаться, значит?

— Нет, — Байлан подставил голову под его пальцы, продолжая крепко держать его за руку. — Я не хочу спать на диване. И уходить не хочу. — Он нащупал слабое место Ци Цзю и добавил тихим, хриплым голосом: — Там я не смогу уснуть... брат.

Ци Цзю понял, что в этой битве ему не победить. Поразмыслив, он выдал гениальную идею:

— А если втащить диван сюда?

Байлан: «...»

Через систему мониторинга Ци Цзю отчетливо увидел на лице Байлана трехсекундное выражение в духе «ты совсем дурак?». Спальня и так была забита медицинским оборудованием под завязку: сколько бы ни было здесь места изначально, сейчас свободного пространства почти не осталось. Если втиснуть сюда еще и неразборный угловой диван, Байлану придется каждый день совершать восхождения через мебельные хребты, чтобы просто принести лекарство или перевернуть больного.

Но покорность Байлана в эти дни переходила все границы, поэтому после долгого взгляда он лишь покачал ладонью и продолжил бережно укладывать Ци Цзю в постель. Из-за разницы в росте голова волчонка каждый раз оказывалась на уровне плеча мужчины, и когда он молча качал головой, его макушка то и дело задевала Ци Цзю.

— ...Не прогоняй меня, — прошептал Байлан, и голос его сорвался. — Я выплюсь... Клянусь, только не прогоняй.

Ци Цзю вздохнул и погладил волчонка по загривку. Он прекрасно понимал, что Байлан мастерски пользуется его мягкосердечием, намеренно разыгрывая карту «брошенного щенка», но ничего не мог с собой поделать.

На его рабочем интерфейсе неумолимо сокращалось количество дней, оставшихся в этом мире. Та самая «буферная зона», куда его выбрасывало при критическом состоянии тела, была напрямую связана с таймером смерти; границы ее дрожали, отсчитывая последние мгновения. Если бы не это... Ци Цзю наверняка остался бы непреклонен. Но он знал: его время на исходе.

Он не хотел, чтобы в будущем, вспоминая эти дни, Байлан видел перед собой лишь сурового и холодного наставника, помешанного на бизнесе и фитнесе.

— И что нам с этим делать? — подала голос Система.

Ци Цзю, коротавший время в буферном пространстве в ожидании стабилизации тела, вздрогнул:

— Ты где пропадала?

Система, как выяснилось, отправилась в главный офис на курсы повышения квалификации. Они оба были простыми курьерами, развозящими «золотые пальцы», и никакого другого опыта у них не было. Ситуация явно выходила за рамки их компетенции, и Система, решив действовать на опережение, записалась на тренинг в отдел романтических отношений. Три часа занятий в день — и вот результат. Сейчас был перерыв, и Система заглянула проведать Ци Цзю, чтобы убедиться, что Байлан не сотворил ничего такого, что могло бы окончательно разрушить психику ее напарника и вышвырнуть его из этого мира.

Ци Цзю казалось, что Система окончательно лишилась рассудка.

— Да что он может сделать? Он же тише воды, ниже травы.

Эта покорность даже начинала беспокоить Ци Цзю. Она была совершенно не в характере Байлана — тот сейчас вел себя так, словно собрался в монастырь. А Ци Цзю вовсе не этого хотел. Он хотел научить Байлана быть человеком — живым человеком, способным найти свое место в этом мире, не терзаясь безумием и не сгорая в пламени старой ненависти. Когда Ци Цзю умрет, все их достижения не должны превратиться в прах; Байлан не должен уйти вслед за ним.

— Согласна, — подтвердила Система. — В таком случае мы не получим свои комиссионные.

— Вот и я о том же, — сокрушался Ци Цзю, потирая лоб и наблюдая за Байланом через виртуальный бинокль. — Нужно как-то его встряхнуть.

***

Ци Цзю завис в буферной зоне лишь потому, что энергия его тела снова исчерпалась. Байлан обнимал его, и человек в его руках, еще мгновение назад разговаривавший с ним, внезапно обмяк; рука, лежавшая на плече Байлана, безжизненно соскользнула вниз.

Подобное случалось часто. Байлан уже не впадал в панику — он просто крепче прижал Ци Цзю к себе, помог ему ровно лечь на кровать и заботливо укрыл пуховым одеялом. Затем, скинув тапочки, он забрался на постель и взял руку Ци Цзю в свои ладони. Ему показалось, что она стала холоднее, чем обычно, и он принялся медленно растирать каждый палец, тщательно массируя акупунктурные точки. Закончив с одной рукой, он перешел к другой.

Мышцы Ци Цзю слабели. Руки, которые Байлан сжимал в своих ладонях, всё еще казались крепкими, с четко очерченными костяшками, но пальцы уже то и дело выпускали предметы, и

Байлану всё чаще приходилось помогать ему даже с питьем лекарств. Байлан не видел пользы от всех этих горьких настоек. Хотя врачи клялись в их эффективности, и он сам видел пациентов, шедших на поправку... на Ци Цзю это не действовало. Врачи лишь разводили руками: мол, всё индивидуально, кому-то просто не везет.

Дыхание Байлана участилось. Он прижал руку Ци Цзю к своему лицу, до боли сжав зубы. Он не верил в неудачу. Поможет ли сейчас его вера? Он готов был построить храм и стать его единственным служителем, лишь бы это помогло. В те моменты, когда он был уверен, что Ци Цзю его не видит, наружу прорывалась исступленная тревога и страх. Они туманили разум, обжигали нервы, и старая травма ноги снова отозвалась резкой судорогой. Байлан не потянулся за лекарством. Он свернулся клубком в углу кровати, до крови впиваясь пальцами в собственные руки, чтобы унять дрожь.

Он совершенно не так понял слова Ци Цзю. Тот хотел проверять лекарства Байлана лишь для того, чтобы понять, как часто у того случаются приступы: если головные боли станут реже, это будет поводом для похвалы. Ци Цзю не запрещал ему лечиться, он лишь хотел, чтобы Байлан следовал предписаниям врачей, а не заглатывал горстями таблетки при каждом удобном случае. Но для Байлана это было слишком сложно. Ему казалось проще перетерпеть. Ведь если он не будет пить таблетки, а просто пересилит боль, он быстрее выполнит требование Ци Цзю и заслужит его одобрение.

***

Ци Цзю готов был поседеть от выходов этого волчонка. Как только состояние тела позволило, он немедленно вернулся в сознание и тут же притянул Байлана к себе. В его нынешнем состоянии надеяться на то, что он эффективным прыжком вскочит за лекарством, не приходилось — это была бы чистая фантастика. Но Байлан в своем стремлении к «послушанию» дошел до крайности: он действительно не держал при себе никаких обезболивающих.

В обычное время Ци Цзю мог бы просто потрепать его по голове, подразнить парой фраз и успокоить. Но на этот раз он вернулся слишком поздно. Байлан уже не слышал его: зубы были крепко сжаты, лицо покрылось холодным потом — он провалился в кошмар, куда не долетали звуки.

«Что делать?» — Ци Цзю сам взмок от напряжения. Все его привычные приемы были исчерпаны, а физическое состояние не позволяло отволочь Байлана в ванную под горячую воду.

Система, вооружившись виртуальным биноклем, молча наблюдала и делала записи. Сил у Ци Цзю почти не осталось, он едва мог удерживать Байлана, но если тот не придет в себя, «золотой палец» здоровья будет окончательно потерян.

«Хватит глазеть! Есть идеи?»

«Одна есть... — неуверенно отозвалась Система. — Но я не уверена».

Ци Цзю: «?»»

Система перелистнула страницы своих учебных записей и вкрадчиво поинтересовалась:

«Что сейчас находится прямо у тебя под рукой?»»

Ци Цзю замер, прислушиваясь к ощущениям:

«Задница Е Байлана».

«Вот именно, — Система захлопнула блокнот. — А что, если тебе... немного её сжать?»»

<http://bllate.org/book/16113/1588521>